

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Две задержки на Северной линии»

«Two Delays on the Northern Line»

Ursula Kroeber Le Guin

Editor: Alex. V. Zhurav

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Две задержки на Северной линии»

Le Guin

“Two Delays on the Northern Line”

1979 © Ursula Kroeber Le Guin

1979

© автор Урсула Кроубер Ле Гуин

1997

© переводчик А. Думеш

15.09.2017

© оформление Alex-Rus

15.09.2017

© редактор Alex.Rus.UA

Le Guin

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © 1979 BY URSULA KROEBER Le Guin

Аннотация

Гениальная Урсула Кроубер Ле Гуин (Ursula Kroeber Le Guin) в своей небольшой притче под названием «Две задержки на Северной линии» (в оригинале «Two Delays on the Northern Line», 1979 год) в очередной раз убедительно поднимает извечные темы, осторожно делая «путевые» заметки касательно осмысленности жизни и её неизменного результата.

Произведение категорически рекомендуется к прочтению лицам всех возрастов, полов, рас и уровней духовно-ментального развития, а также разным (анти)гуманоидам, (квази)рептилоидам и конкретно (не)определившимся. К сожалению, надлежащим образом осмыслить его суть не суждено зазомбированным жертвам «Подляпиных» и прочих альтернативно одарённых проповедников «радиоактивного пепла», равно как и вообще злобным мутантам великокацапской селекции «*homo soveticus*», маниакально-великодуховным «гундяефилам», параноидально-шизопатическим «гейропофобам», а также раболепным верноподданным «*руSSкага міра*» и фанатично-кровожадным апологетам «Третьего Рима», Рейха, Вавилона иже с ними...

15.09.2017 © *Alex.Rus.UA* АКА *Alex-Rus*¹

¹ Редакция 15.09.2017 г. рассказа 1979 года «Две задержки на Северной линии» (в оригинале «Two Delays on the Northern Line», автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin, перевод 1997 года А. Думеша) на основе текстового файла от 05.04.2001 г.. (прим. ред. *Alex.Rus.UA*)

1. По пути в Парагвананзу

Этой весной река сильно разлилась, затопив железнодорожную насыпь на всём протяжении от Брайлавы до Краснея. Двухчасовая поездка растянулась на полдня. Поезд переходил с одного пути на другой, подолгу стоял, медленно передвигался от одной деревни до прилегающей к ней следующей, через холмы провинции Мользен под неутомимым проливным дождём. Из-за дождя сумерки наступили раньше обычного, но сквозь полумрак виднелись чертополох, жестяные крыши, отдалённый сарай, одинокий тополь и тропинки, ведущие к вырисовывающейся в наступающей темноте ферме безымянной деревни, находящейся где-то к западу от столицы. Внезапно, через пятьдесят минут ожидания и неизвестности, сумрачный пейзаж за окном заслонило стремительное движение чего-то тёмного.

— Это товарный! Скоро поедет, — сказал моряк, который знал всё на свете.

Семья из Месовала возликовала. Когда тропинки, чертополох, крыши, сарай и дерево появились снова, поезд действительно начал двигаться, и постепенно, равнодушно и медленно унылый пейзаж навсегда остался позади в дождливых сумерках. Семья из Месовала и моряк поздравили друг друга.

— Теперь, когда мы снова тронулись, самое большее ещё полчаса — и мы наконец приедем в Красной.

Эдвард Орте снова открыл книгу. Прочитав страницу или две, он поднял голову. За окном почти совсем стемнело. Где-то вдалеке сверкнул и пропал свет фар одинокой машины. В темноте окна, под зелёными жалюзи на фоне мерцающего дождя Эдвард увидел отражение своего лица.

Он посмотрел на это отражение с уверенностью. В двадцать лет Эдвард невзлюбил свою внешность. В сорок — смирился и принял её. Глубокие морщины, длинный нос, длинный подбородок — вот каков Эдвард Орте; он смотрел на отражение как на равного, без восхищения или презрения. Но форма бровей напомнила Эдварду, как часто люди говорили ему: «*Как ты похож на неё*», «*У Эдварда мамыны глаза*». Как глупо — будто эти глаза не принадлежат ему, будто он не может претендовать на то, чтобы видеть мир самому. Тем не менее,² во вторые двадцать лет жизни он взял от этого мира всё, что хотел.

Несмотря на различные пересуды и неудачное начало этого путешествия, Эдвард знал, *куда* едет и *что* случится. Брат Николас встретит его на Северной станции, повезёт на восток через омытый дождём город в дом, где Эдвард родился. Мать поприветствует его, сидя в постели под розовой лампой. Если на сей раз дело обошлось лёгким приступом, мать будет выглядеть довольно неплохо и говорить тихим голосом; если же приступ

2 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

оказался достаточно серьёзным, чтобы напугать её, она поведёт себя неестественно оживлённо и весело. Все зададут друг другу вопросы и ответят на них. Потом состоится ужин внизу, беседа с Николасом и его молчаливой женой, а потом Эдвард отправится спать, слушая дождь за окном спальни, в которой спал первые двадцать лет своей жизни. Почти наверняка сестра Реция убежит рано: вспомнит, что оставила в Соларии трёх маленьких детей, и в панике спешно отправится домой, так же неожиданно, как уехала оттуда. Николас никогда не присылал Эдварду телеграмм, а просто звонил по телефону и зачитывал докторский отчёт об очередном приступе. Зато Реция преуспела в наведении паники. Она избегала ухаживания за больной матерью и лишь время от времени высылала Эдварду телеграммы «ПРИЕЗЖАЙ НЕМЕДЛЕННО», о драматическом смысле которых оставалось только догадываться. Матери вполне хватало визитов Николаса дважды в неделю, и она не имела ни малейшего желания видеть Эдварда или Рецию. Незваные гости могли разрушить привычный распорядок дня и заставляли мать тратить накопленную энергию на показной интерес в делах детей, которые на самом деле уже давно не интересовали её. Но Реция настолько нуждалась в соблюдении общепринятых традиции и приличий, что регулярно для достижения этого задействовала самые крайние методы. Когда кто-то получает телеграмму «ПРИЕЗЖАЙ НЕМЕДЛЕННО» и дело касается больной матери, он приезжает. Для определённых ходов в шахматах есть лишь определённые реакции. Эдвард Орте, более сдержанный и здравый сторонник общепринятых приличий, подчинял свою волю правилам без слова жалобы. Но всё это напоминало ему игру в шахматы без досок, это катание по рельсам взад и вперёд: всё та же бессмысленная поездка три раза за два года — или за три года с первого приступа? — настолько бессмысленная, напрасная трата времени, что Эдвард даже не думал о том, едет ли поезд всю ночь, как ехал весь день, передвигаясь по холмам с одной запасной ветки на другую, не по основной колее, и не приближаясь к цели; Эдварду было абсолютно всё равно.

Когда он сошёл с поезда и во влажной сумятице, царящей на платформе, отблесках фонарей и отголосках Северной станции обнаружил, что никто его не встречает, то почувствовал себя разочарованным, обманутым. Хотя чувство было неуместным. Николас просто не выдержал бы пять часов ожидания, даже ради того, чтобы встретить брата. Эдвард сначала хотел позвонить домой и сообщить, что прибыл, а затем сам удивился, почему ему пришла в голову такая мысль. Всё из-за дурацкого разочарования, что его никто не встретил. Он вышел из вокзала, чтобы поймать такси. На автобусной остановке возле стоянки такси ждал автобус № 41³; Эдвард без промедления сел в него. Как давно — наверное, десять лет назад... пятнадцать... нет, ещё больше — он ездил на автобусе через город по шумным улицам Краснея, тёмным и мерцающим в сумерках мартовской ночи. Свет уличных фонарей, отражавшийся в реках чёрного асфальта, напомнил Эдварду о временах, когда студентом он возвращался с поздних занятий в университете. 41-й остановился на старой остановке у подножия холма, и вошли двое студентов

3 В оригинале «N_41». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— бледные, серьёзные девушки. Вода в Мользене, бегущем вдоль каменной набережной под старым мостом, поднялась очень высоко; все пассажиры вытягивали шеи, чтобы увидеть реку, и кто-то сказал за спиной Эдварда:

— Вода уже подбирается к складам за железнодорожным мостом.

Автобус стонал, покачивался, останавливался, кренясь на пути через длинные прямые улицы Трасфьюва. Орте надо было выходить на последней остановке. Автобус с единственным пассажиром в очередной раз со вздохом захлопнул двери и поехал дальше, оставляя за собой тишину ещё не спящего пригорода, провинциальную тишину. Дождь шёл не переставая. На углу около фонаря стояло молодое дерево, вздрагивающее под ярким светом, который пронзал его свежие зелёные листья. В путешествии не предвиделось более ни задержек, ни изменений. Последние полквартала до дома Орте прошёл пешком.

Он тихонько постучал, открыл незапертую дверь и вошёл. По непонятным причинам холл был ярко освещён. В гостиной звучал чей-то громкий, незнакомый голос. *Может, там какая-то вечеринка? Неужели вечеринка?* Эдвард снял пальто, чтобы повесить его на вешалку. В этот момент в холл вошёл мальчик, попятился от неожиданности, остановился и посмотрел на вошедшего ясными смелыми глазами.

— Ты кто? — спросил Орте, и когда мальчик задал такой же вопрос и получил ответ, сказал: — Меня тоже зовут *Эдвард Орте*.

На мгновение у Эдварда закружилась голова. Он очень боялся таких внезапных головокружений, когда появлялось ощущение, будто он летит в разверзнувшуюся под ногами бездну.

— Я твой дядя. — Эдвард стряхнул со шляпы капли дождя и повесил её. — А где твоя мама?

— В комнате с роялем. С организаторами похорон. — Мальчик продолжал глазеть на Эдварда, изучая его так спокойно, словно находился в собственном доме.

«Если он не отойдёт в сторону, я не смогу пройти в комнату мимо него», — подумал Орте.

— О, Эдвард! — воскликнула Реция, входя в холл и видя брата. — Ах, бедный Эдвард! — И внезапно она разрыдалась.

Реция потянула Эдварда за собой и подвела к Николасу, который мягко и серьёзно пожал брату руку и сказал ровным голосом:

— Ты уже уехал. Мы не могли дозвониться до тебя. Очень быстро, гораздо быстрее, чем ожидалось, но совершенно безболезненно в конце...

— Да, я понимаю, — ответил Орте, держа брата за руку. Под ним снова словно разверзлась пропасть. — Поезд... — пробормотал он.

— Почти ровно в два часа, — сказал Николас.

— Мы весь день звонили на станцию, — сказала Реция. — Вся железная дорога выше Ариса затоплена. Бедный Эдвард, ты, наверное, совершенно измучился! И не знал весь день, весь день! — Слёзы текли по её лицу так обильно и легко, как дождь за окнами поезда.

Прежде чем пойти наверх и увидеть мать,⁴ Орте собирался задать Николасу несколько вопросов: *был ли последний приступ на самом деле серьёзным? принимает ли мать всё те же лекарства? тяжёлой ли ангиной она переболела?* Эдвард всё ещё хотел задать эти вопросы, на которые пока так и не получил ответа. Николас же продолжал рассказывать ему о смерти матери, хотя Эдвард и не спрашивал, как всё случилось. От долгого путешествия в голове его всё ещё царила какая-то неразбериха. Головокружение почти прекратилось, бездна закрылась, и он отпустил руку Николаса. Реция вертелась рядом, улыбаясь и плача одновременно. Николас выглядел напряжённым и усталым, глаза его казались огромными за стёклами толстых очков. «А как, интересно, — подумал Эдвард, — выгляжу я сам? Чувствую ли горе?» Он заглянул в себя с опасением, но не нашёл ничего, кроме продолжающегося неприятного лёгкого головокружения. *Нет, горем это не назовёшь. Не должен ли он хотеть плакать?*

— Она наверху?

Николас рассказал о новых правительственных правилах, которые, по его мнению, являются наиболее разумными и деликатными. Тело отвезли в крематорий Восточного района; пришёл человек с бумагами, чтобы договориться о церемонии прощания и церковной службе, и когда приехал Эдвард, они как раз уже всё согласовали. Все вышли из холла, прошли в гостиную, представили Эдварду работника похоронного бюро. Затем Николас пошёл проводить этого человека. Это его голос слышал Орте, когда вошёл в дом. Громкий голос и яркие огни, как на вечеринке.

— Я встретил, — сказал Эдвард Орте сестре, немного помедлив, — маленького Эдварда. — И пожалел о сказанном, потому что *племянник, названный в его честь, не мог быть этим мальчиком, который выглядел гораздо старше и который сказал, что фамилия его Орте. Или нет? Ведь фамилия должна быть Перен: Реция после замужества взяла эту фамилию. Но кто же тогда этот мальчик?*

— Да, я хотела, чтобы дети тоже приехали, — говорила Реция. — Томас подъедет завтра утром. Надеюсь, дождь прекратится — дороги, наверное, ужасные.

Эдвард обратил внимание на её ровные, цвета слоновой кости зубы. Ей уже — о, невероятно! — тридцать восемь. Он бы не узнал её, встретив на улице. Реция посмотрела на брата серо-голубыми глазами.

— Ты устал, — сказала она тоном, который обычно раздражал Эдварда. *Можно ли говорить людям, как они себя чувствуют?*

4 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но сейчас эти слова понравились ему. Он не ощущал усталости, но, если выглядел устало или устал, сам того не замечая, наверное, у него всё же было чувство, о котором он не знал, *соответствующее* чувство.

— Иди поешь чего-нибудь, *этот человек* ушёл. Ты, наверное, умираешь от голода! Дети едят на кухне. О, Эдвард, всё так *странно*! — сказала Реция, проворно увлекая его за собой.

На кухне было тепло и полно народу. Повар-домоправительница Вера, которая работала очень давно, хотя появилась в доме после того как уехал Эдвард, что-то приветственно пробормотала. Она расстроена, это понятно: сможет ли пожилая женщина с больными ногами найти новую работу? Конечно, Николас и Реция позаботятся о ней. Все дети Реции сидели за столом: мальчик, которого Эдвард встретил в холле, старшая сестра и малыш, которого все называли *Рири*, когда Эдвард видел его в последний раз, и к которому теперь все обращались по-взрослому: *Рауль*. Ещё на кухне находилась кузина мужа Реции, которая жила с ними, — невысокая, угрюмая девушка лет двадцати. Жена Николаса Нина вышла из-за стола, чтобы поприветствовать Эдварда и обнять его. Когда она заговорила, Эдвард вспомнил о том, о чём не думал с тех пор, как получил письмо Николаса около двух недель назад. Николас и Нина усыновили ребёнка — писал ли Николас, что это *мальчик*? Усыновление показалось Эдварду столь показным и ненужным поступком, что он ещё раз внимательно перечитал письмо и подумал, что дело это неприятное и весьма смущающее, но сейчас не помнил, *что именно* написал Николас. И как-то неудобно спрашивать об этом Нину. Старушка Вера, пытаясь продемонстрировать свою нужность, настойчиво предлагала Эдварду чай⁵, и ему пришлось сесть вместе со всеми в ярко освещённой шумной кухне, немного поесть и выпить чая.

Постепенно шум затих. Никто особо с Эдвардом не разговаривал; Нина смотрела на него своими печальными, тёмными глазами. Эдвард с облегчением начал понимать, что его обычно серьёзное выражение лица и поведение могут быть приняты за хорошее владение собой и послужат щитом, за которым можно спрятать от самого себя отсутствие печали, спрятать нечто не существующее в пустой душе.

В завершение всего Эдварда не пустили спать в его комнате. Вообще всё прошло не так, как он ожидал. Дом был переполнен. Оказалось, что с момента усыновления Николас и Нина отказались от квартиры в Старом квартале, переселились обратно в родительский дом и собирались жить там до тех пор, пока у них не появится шанс переехать в большую квартиру. Они жили в старой комнате Эдварда, а их ребёнок — в бывшей комнате Николаса, Реция и трое её детей устроились в детской, кухня — на тахте в гостиной, и для Эдварда не осталось ничего, кроме кожаной тахты, стоящей внизу, на застеклённой веранде. Только комната матери пустовала. Эдвард так и не зашёл туда. Он не ходил наверх. Реция принесла вниз шерстяные пледы, потом стёганое одеяло и,⁶ наконец,⁷ тёплую пижаму Николаса.

5 В оригинале сомнительное «чай». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

6 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

7 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Здесь ужасно, бедный Эдвард, *ужасно*. Если ты наденешь вот *это*, то не замёрзнешь. Ах, как всё *странно*! — Она заплела волосы на ночь и надела розовый шерстяной халат. Реция выглядела доброжелательной, участливой, по-матерински прекрасной; её лицо светилось, словно она слушала музыку. «*Вот оно, горе*», — подумал Эдвард.

— Всё нормально, — сказал он.

— Но у тебя всегда по ночам мёрзли нóги. Ужасно, что пришлось устроить тебя здесь. Не знаю, *что* мы будем делать, когда приедет Томас. О, Эдвард, мне бы так хотелось, чтобы ты женился, — ненавижу, когда люди одиноки! Я знаю, тебе всё равно, но мне — нет. Занавески не закрываются, что ли? Ах, Господи Боже мой, я оборвала кайму. Что ж, здесь нечего закрывать, кроме дождя. — В глазах Реции стояли слёзы. Она обняла Эдварда, и на мгновение его окутали её тепло и сила. — Спокойной нóчи! — сказала она и вышла, закрыв за собой стеклянную занавешенную дверь. Эдвард услышал голосá сестры и кузины в другой комнате.

Реция пошла вверх. В доме стало тихо. Эдвард поправил пледы, стёганое одеяло и лёг на кушетку. Он читал книгу, за которую взялся в поезде: долгосрочный проект относительно целей и распределения фондов департамента, который в мае попадёт в распоряжение их бюро. Дождь стучал в окно над кушеткой. У Эдварда замёрзли рúки. Внезапно в соседней комнате погас свет, стеклянная занавешенная дверь потемнела, и свет от маленькой настольной лампы показался очень тусклым. В соседней комнате спала кузина. Дом был полон неизвестных Эдварду людей. Ему было странно лежать на этой холодной кушетке, ночью, в дождь. Обычно на ней спали только летом, в жару. Поездка оказалась не такой, в какую он отправился. Приехать домой — вот оно, правильное направление, которое сейчас потеряло всякий смысл и окончилось в странном месте. Неужели *беспорядок* — *это то, что все называют горем*? «Она умерла, — подумал Эдвард. — Она умерла, а я лежу, удобно оперевшись на подлокотник кушетки, держу на согнутых под одеялом коленях открытую книгу, смотрю на страницы сто сóрок четыре, сто сóрок пять и жду собственной реакции на случившееся. Я уехал из дóма так давно!» Сто сóрок четыре, сто сóрок пять... Взгляд Эдварда вернулся к книге. Он дочитал до конца главу. Часы показывали *полтретьего нóчи*. Эдвард выключил лампу на бронзовой подставке и свернулся калачиком под одеялами, слушая, как дождь равномерно стучит в окно...

— Я еду в Парагвай, — сказал Эдвард моряку, расстроившись, что никто его об этом не спрашивает. — В Парагвананзу, столицу страны⁸.

Через долгое-долгое время Эдвард встретил моряка около путей, затопленных половодьем. А когда, преодолев ужасные препятствия, он добрался до цели, до Парагвананзы, там оказалось всё то же самое, что и здесь, дóма.

8 Фантазия *автора*, ведь в реальности столица Парагвая — Асунсьон, Asunción. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

2. Метемпсихоз

Когда пришло письмо от адвоката, Эдвард Руссе сначала даже не задумался о завещанном ему доме и лишь попытался выловить из потаённых глубин памяти хоть какие-то обрывки воспоминаний о внешности, характере или хотя бы походке брата маминого отца — двоюродного деда. Старик счёл нужным оставить Эдварду дом в Брайлаве или сделал это по причине малочисленности наследников. Эдвард всю жизнь прожил в Красное; когда ему исполнилось девять или десять лет, он ездил вместе с мамой навестить родственников, живущих на севере, но из всего путешествия теперь мог вспомнить лишь тривиальные вещи: курицу с выводком цыплят на заднем дворе у корзины, человека, который громко пел, стоя на углу улицы у подножия огромного (как тогда показалось Эдварду) тёмно-синего холма. И от дедушки, которому принадлежал дом, и от его брата, который дом унаследовал, в памяти остались лишь громкие старческие голоса и ощущение неуютности, царящее в тёмных комнатах. Глуховатый старик, какой-то чужой и совершенно не похожий на Эдварда и его родственников. Висящие на печи скрещённые мечи с плетёными рукоятками и гравированными лезвиями — *шашки*. Эдвард никогда раньше не видел шашки. Ему не разрешали играть с этими красивыми мечами. Даже сам старик никогда не притрагивался к ним, никогда их не полировал. Если бы Эдварду разрешили взять шашки, он бы начистил потемневшие лезвия. А сейчас ему было стыдно за неблагодарность своего ума, в котором сохранились лишь воспоминания о детской зависти — и ни единого мимолётного впечатления о человеке, который подарил ему дом, — даже если на самом деле Эдварду дом вовсе не нужен и он предпочёл бы, чтобы старик не вспоминал о нём, неблагодарном внучатом племяннике, который совершенно не помнил своего двоюродного деда.

Что ему делать с этим домом в Брайлаве? Что ответить на письмо адвоката? Эдвард работал в бюро жилищного строительства, получал скромную зарплату, никогда не связывался ни с какими адвокатами и вообще остерегался их. Его жена придумала бы, как ответить на письмо; она обладала чутьём на такие вещи и вдобавок хорошими манерами. Представив, что написала бы Елена, Эдвард накропал короткое, вежливое послание адвокату, отправил его, а затем фактически сразу забыл и о двоюродном деде, и о наследстве, и о собственности в Брайлаве. Он был сильно загружен, поскольку взял на себя дополнительно дело реорганизации и упрощения ведения отчётов, в котором хорошо разбирался. Окружающие сказали бы, что Эдвард *стремится потерять себя в работе*, но ему всегда нравилась его работа, нравилась до сих пор, и он знал, что *не может в ней потеряться*. Напротив, он постоянно *находил себя в работе*, в выполненных заданиях, видел себя в коллегах. На каждом углу улицы, ведущей к бюро, он встречал самого себя,

возвращающегося с работы домой на улицу Сайдре, где его ждала Елена, преподающая в колледже прикладных искусств, ждала каждый день, кроме вечеров по средам, когда она вела занятия с четырёх до шести.

Дни Эдварда всегда перемежались такими *тире*, разделяясь не на периоды, а на *перерывы* между ними, *паузы*, *пустые места*, в которых он останавливал сам себя, чтобы не оканчивать мысль, чтобы даже не пытаться завершить мысли, у которых больше нет конца. Так же было и в этом случае: Елена не вела занятия с четырёх до шести по средам, потому что она умерла от аневризмы сердца три месяца назад. И всегда мысли Эдварда вели к одному и тому же, останавливались, уплывали в бесконечность и там разрушались, как в печи крематория.

Эдвард знал, что справился бы со своим несчастьем быстрее, без этих пауз, не думая постоянно об одном и том же, если бы хорошо спал. Но теперь он мог спать не более двух или трёх часов, а потом просыпался и лежал без сна столько же, сколько ему удалось проспать. Он попробовал пить, потом принимал снотворное, которое порекомендовал друг. И то,⁹ и другое принесло ему пять часов сна, два часа кошмаров и день болезненного отчаяния. Тогда Эдвард принялся читать во время ночных бодрствований¹⁰. Читал всё подряд, но предпочитал историю — историю других стран. Иногда в три часа ночи он плакал, читая про Испанию в эпоху Ренессанса, и не замечал собственных слёз. Он не видел снов. Все сны забрала с собой Елена, и они ушли вместе с ней уже слишком далеко, чтобы найти обратную дорогу к Эдварду. Сны затерялись, иссякли, высохли где-то в той плотной каменистой темноте, в которую ушла Елена, очень медленно, с трудом, не дыша, прокладывая путь вперёд. Эдвард чувствовал, что она теперь где-то далеко, в каком-то другом измерении, которое он даже не мог себе представить.

Пришло второе письмо из Брайлавы. В конверте из толстой бумаги, тяжёлом и зловещем. Покорившись судьбе, Эдвард открыл его. Письмо адвоката оказалось коротким. Сдержанно, расплывчато, в виде предложения, с должной предосторожностью адвокат сообщал, что, *поскольку дела стоят на месте, Эдвард должен знать: если он решит продать дом, то получит за него хорошие деньги* (учитывая профессиональную квалификацию Эдварда, адвокат полагал, что тот хорошо информирован в данном вопросе). Далее адвокат — Эдвард представил себе седовласого мужчину лет шестидесяти, чисто выбритого, с длинной верхней губой — заметил, что в северном отделении адвокатского бюро в Красное есть несколько агентов по недвижимости с хорошей репутацией, на тот случай, если Эдвард не хочет заниматься этим делом сам. Однако, поскольку в доме остались личные вещи, могут потребоваться, хотя бы ненадолго, личное присутствие наследника и его решение относительно мебели, бумаг, книг и прочих вещей, которые могут представлять собой материальную, денежную или памятную ценность. К письму прилагались какие-то документы — судя по

9 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

10 В оригинале несочетаемое «ночных бодрствовании». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

внешнему виду, акты, описания и прочее, касающееся собственности, — и старый, довольно потёртый кожаный мешочек с шестью ключами на стальном кольце.

Странно, что адвокат прислал ключи, не дождавшись очередного ответа Эдварда и не познакомившись с ним лично. Именно ключи придали конверту странную форму и сделали его тяжёлым. Эдвард с любопытством вытаскил их, положил на левую ладонь и стал рассматривать. Два одинаковых ключа — судя по всему, от старой, респектабельной передней двери. Других четыре оказались совершенно разными: один бы подошёл, вероятно, к всяческому замку, другой — с брелоком в виде бочонка — был похож на ключ от часов, третий — плоский железный — по-видимому, от подвала или кладовой, и последний — из латуни, с замысловатыми выемками — вероятно, от какой-то старой мебели, платяного шкафа или секретера. Эдвард с нарастающим беспокойством вообразил латунную замочную скважину в резном красном дереве, полки за стеклом, какие-то бумаги в полупустых выдвижных ящиках.

Эдвард попросил два выходных в конце месяца. Он поедет в Брайлаву в среду вечерним поездом, вернётся в воскресенье. Достаточно. Встретится с адвокатом, увидит дом, договорится, чтобы его очистили от ненужных вещей и выставили на продажу. Заодно, делая все эти дела, он сможет посмотреть город, где родилась и провела детство его мать. А на деньги, вырученные за дом, он поедет в Испанию.

Шальные, не заработанные деньги надо тратить сразу, иначе они принесут беду. А сколько стоит поездка в Египет? Эдварду всегда хотелось увидеть пирамиды. Одетых в красные плащи, как в кино,¹¹ размахивающих палками, охраняющих сокровища Египта английских солдат, численность которых уменьшалась на глазах равнодушного сфинкса, как исчезает вода, льющаяся на песок. Ему хотелось побывать в Сахаре, в этом пекле, огромной пустыне.

Поезд резко дёрнулся и снова остановился. В купе пока больше никого не было; молодая пара, занявшая места напротив, громко смеялась в коридоре. Они шутили с друзьями, стоящими на платформе, но наконец закричали, помахали руками и, балуясь, громко захлопнули окно, когда поезд тихо и целенаправленно заскользил вперёд. Глаза Эдварда наполнились слезами, и, переводя дыхание, он тихонько всхлипнул. Приведённый в ужас отчаянным положением, в которое его ввергло всепоглощающее горе, он стиснул кулаки, закрыл глаза и притворился, что спит, хотя лицо его пылало, а дыхание не было равномерным. Он заранее проклинал Египет, чёртов Египет, проклятые Толедо и Мадрид. Слёзы высохли. За окном, в тихой дымке сентябрьского полудня, проплывали северные пригороды, дороги и виадуки.

Молодая пара вернулась в купе, они больше не смеялись и не разговаривали, всё их оживление оказалось *показным* — для друзей на Северной станции. Эдвард продолжал смотреть в окно. Поезд плавно шёл на север, поравнявшись с набережной Мользена. Река была широкой, спокойной, гладкой, бледно-голубая вода струилась меж низких берегов. Вдоль реки,

11 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

залитые поздним солнечным светом, росли ивы. Дымка сгущалась; впереди, на севере, как будто там шёл дождь, виднелась тяжёлая гряда синих облаков. Эдвард рано ушёл с работы, чтобы попасть на пятичасовой экспресс. Он прибудет в Брайлаву в полшестого, всю дорогу двигаясь вдоль рек. Глядя на спокойную воду, Эдвард задремал.

В четверть шестого раздался страшный шум, после чего наступила тишина. Пока Эдвард вставал с пола купе, где по непонятным причинам оказался, молодой человек пнул его в плечо.

— Осторожнее! — взбешённо крикнул Эдвард, поднимая портфель, который тоже валялся на полу.

В коридоре слышались тихие взволнованные голоса.

— Ой, ой, ой, ой, — монотонно повторяла молодая женщина.

Голоса превратились в гул, как в студенческой аудитории на перерыве; шум раздавался и в поезде, и вдоль путей: крики, восклицания, жалобы. Выяснилось, что *поезд столкнулся с сенокосилкой — двигатель её заглох на переезде — и никто не пострадал, кроме водителя косилки, который погиб. Паровоз сошёл с рельсов, и до тех пор, пока из Брайлавы не придёт другой паровоз, поезд будет стоять.* Ещё одна пауза, очередное *тире*, вместо очередного периода жизни — *не-прибытие*. Эдвард немного побродил вдоль путей под поздним сентябрьским солнцем. Другой паровоз прибыл лишь около семи часов, с юга, а не с севера, и потянул поезд назад, на запасную ветку местной станции под названием Исестно, которая даже не упоминалась в графике Северной линии Красной — Брайлава. Тем временем наступили сумерки, начался дождь, и пассажиры с нетерпением ждали, пока починят пути, пока приедет паровоз из Брайлавы и оттянет поезд обратно на основной путь. В результате Эдвард прибыл на станцию Самени в пол-одиннадцатого.

В поезде пассажиров не кормили, на мрачной станции Исестно тоже не продавали ничего съестного, но Эдвард не чувствовал голода, продвигаясь к выходу под ярко освещёнными сводами похожей на пещеру станции Самени с портфелем в руке — единственным багажом, взятым в дорогу. Сойдя наконец с поезда, он чувствовал себя взволнованным. Он собирался приехать в полседьмого, найти около вокзала отель, поужинать, но сейчас ему не хотелось есть стоя в вокзальном буфете вместе с другими пассажирами. Эдвард хотел домой. Люди спешили мимо него, проходили через высокую дверь и исчезали в дождливой ночи.

— Такси?

— Пожалуй, да, — ответил Эдвард.

— Куда вам, сэр?

— Улица Каменни, четырнадцать.

— Это в районе Предгорья, — сказал водитель такси, и в памяти Эдварда всплыли название района и тёмно-синие скалы, нависавшие над поющим человеком, стоящим у холма.

Такси тронулось, громыхнув заляпанными грязью окнами и дверями. В машине было темно и уютно. Эдвард погружался в сон, в замешательстве заставлял себя проснуться и снова засыпал.

— Четырнадцать, вы сказали?

— Да.

— Похоже, это здесь. Вот двенадцатый дом.

Эдвард не видел нóмера. Но дом стоял, шёл дождь, вокруг — лишь деревья и темнота. Эдвард заплатил водителю, который попрощался сухим, вежливым голосом с северным акцентом.

Три каменные ступеньки, растущие вокруг кустарники и что-то вроде ограды или решётки; номер «14» над довольно богато украшенной деревянной дверью. Станный город, странная улица, непонятно чей дом. Первый из двух одинаковых ключей подошёл к замку. Эдвард открыл дверь, заглянул внутрь и поднялся на две ступеньки, оставив дверь за спиной приоткрытой, чтобы в случае чего ретироваться.

Непроглядная тьма, сухо, холодно. Стук дождя по высокой крыше. И никаких других звуков.

Эдвард нащупал выключатель справа от двери. И почувствовал, что должен сказать: «Я пришёл». Кому? Он включил свет.

Передняя была гораздо меньше, чем казалась в темноте. У Эдварда сначала сложилось впечатление, что он находится в каком-то огромном, практически неограниченном пространстве, но теперь он увидел, что стоит в тихой запущенной передней старого дома в дождливую ночь. Потёртая и грязноватая ковровая дорожка покрывала пол, выложенный красивыми чёрными и серыми плитками. Чья-то шляпа из старого войлока, шляпа двоюродного дедушки, одиноко лежала на невысоком комод. Под потолком — люстра из желтоватого мутного стекла.

Дверь за спиной Эдварда всё ещё оставалась приоткрытой. Он вернулся, закрыл её и автоматически положил ключи в карман брюк.

Ступеньки вели наверх и влево. За ними находился коридор: двéри справа и в дальнем конце, обе закрыты. Справа, вероятно, гостиная, а дальняя дверь ведёт на кухню. Где-то здесь должна находиться и столовая — может, по пути на кухню; именно в тёмной столовой Эдвард когда-то слышал громкие старческие голоса. Надо бы заглянуть в комнаты, но он очень устал. В последние несколько ночей Эдвард очень плохо спал и от этой поездки —¹² с её волнениями, чужой смертью и долгой задержкой в пути —¹³ всё ещё плохо

12 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

13 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

себя чувствовал. Коридор — прекрасно, старая шляпа — очень хорошо, но этого было вполне достаточно. Желтоватый свет озарял ступеньки так же тускло, как и переднюю. Эдвард пошёл вверх, держась за узкие, потёртые лакированные перила. На верхней ступеньке он повернул, прошёл по коридору к последней двери, открыл её и включил свет. Он не знал, почему выбрал именно эту дверь и бывал ли на верхнем этаже этого дома в детстве.

Эдвард оказался в спальне, возможно, самом большом помещении дома. Может, в этой комнате когда-то спал его двоюродный дед, может, тут он и умер, если только не скончался в больнице, или это — комната его бабушки, или никто не использовал её тридцать лет. В спальне было чисто, царил небольшой беспорядок, кровать, стол, стулья, два окна, камин. Постель застелена аккуратно и чисто, старое голубое покрывало туго натянуто. В тусклой стеклянной люстре отсутствовала лампа.

Эдвард поставил портфель у кровати.

Ванная комната находилась на другом конце коридора. Сначала Эдвард подумал, что вода отключена: труба застонала, когда он повернул вентиль. Но затем кран выплюнул ржавчину, изрыгнул потоки красной жижи, и наконец пошла чистая вода. Ему хотелось пить. Эдвард стал пить прямо из крана. Вода оказалась очень холодной, пахла ржавчиной и имела необъяснимый северный привкус.

В коридоре стоял старый книжный шкаф со стеклянными полками. Эдвард на минутку остановился возле него, но тусклое сияние лампы еле освещало названия каких-то неизвестных Эдварду книг. Он не хотел читать, а потому пошёл в спальню и откинул голубое покрывало. Постель была застелена тяжёлыми льняными простынями и тёмным одеялом. Эдвард разделся, повесил пиджак и брюки в пустой стенной шкаф, выключил свет, лёг в холодную постель в тёмной комнате, которая казалась зловещей из-за света отдалённого уличного фонаря, мерцающего сквозь дождь, или из-за загадочных теней, отбрасываемых листьями. Эдвард вытянулся, положил голову на твёрдую подушку и заснул.

Проснулся он солнечным утром, лёжа на боку, глядя на скрещённые кавалерийские палашки, которые висели на печи.

«Это орудия, — подумал Эдвард, — назначение которых так же ясно, как назначение иголки или молотка. И цель их, причина существования и назначение — смерть; они сделаны, чтобы убивать людей». Слегка гравированные и до сих пор не отполированные лезвия несли смерть, фактически даже его собственную, которую Эдвард теперь видел ясно и спокойно, потому что, пока глаза его рассматривали палашки, мозг думал о том, что находится в других комнатах, которые он не видел прошлой ночью. И комнаты эти, ключи от которых лежали у Эдварда в кармане, вернут его к жизни; он попросит перевести его на работу в бюро в Брайлаве, увидит цветение вишен в горах в марте, второй раз женится. Всё это будет потом, а пока хватит этой комнаты, скрещённых палашек, солнечного света; Эдвард прибыл на свою станцию назначения.

1979 © Урсула Кроубер Ле Гуин

Оглавление

Аннотация.....4

1. По пути в Парагвананзу...5

2. Метемпсихоз.....11

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

«Две задержки на Северной линии» Урсула Кроубер Ле Гуин
«Two Delays on the Northern Line» Ursula Kroeber Le Guin
1979 © Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин
editor: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	15.09.2017
Время редактирования:	00:42:45
Количество сохранений:	12

Общее количество страниц:	20
Общее количество абзацев:	163
Общее количество слов:	5458
Общее количество символов:	35628

Copyright © 1979 by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 1997 by А. Думеш (перевод)

*Copyright © 15.09.2017
by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus*

Le Guin